

ВСЕСОЮЗНОЕ СОВЕЩАНИЕ ФОЛЬКЛОРИСТОВ

24—26 ноября 1958 г. в Ленинграде, в Институте русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР (ИРЛИ) состоялось Всесоюзное совещание по проблемам современной фольклористики.

Совещание было задумано как свободная творческая дискуссия по некоторым наиболее сложным и неразработанным вопросам теории и истории фольклора. Чтобы придать целенаправленность совещанию и обеспечить возможно более широкое обсуждение, организаторы совещания — Сектор народного поэтического творчества ИРЛИ и Координационная комиссия АН СССР по фольклору — отказались от постановки многих докладов по различным вопросам, а выдвинули только три доклада, которые и должны были сосредоточить внимание участников совещания на основных проблемах. Авторефераты этих докладов — «Проблемы теории фольклора» (В. Е. Гусев), «Проблемы изучения истории русского фольклора» (Б. Н. Путилов) и «Сравнительно-историческое изучение фольклора» (В. М. Жирмунский) — были напечатаны и в первой половине ноября разосланы в учреждения, занимающиеся фольклором, и отдельным фольклористам для предварительного ознакомления¹.

В совещании приняло участие более 200 человек из 23 республик Советского Союза. Совещание открыл заместитель директора ИРЛИ д-р филол. наук В. Г. Базанов. Всесоюзная конференция, сказал В. Г. Базанов, начинает свою работу в тот исторический момент, когда весь советский народ готовится достойно встретить XXI съезд КПСС, на котором будет дана развернутая программа развития коммунизма в нашей стране. Решение вопросов фольклора, вынесенных на конференцию, должно определяться задачами советской фольклористики в развитии социалистической культуры. Подходящее место должен занять вопрос о современном состоянии народной словесности и о связи фольклористики с жизнью. Для советской фольклористики важнейшей остается проблема взаимоотношений литературы и фольклора.

Задачей доклада В. Е. Гусева была постановка на обсуждение некоторых из наиболее важных вопросов теории народного творчества. Для понимания фольклора как вида идеологии, сказал докладчик, большое значение имеет правильное определение понятия «народ». В марксистском значении народ — это изменяющаяся от эпохи к эпохе совокупность различных социальных групп и классов, объединенных конкретно-историческими общими интересами и стремлениями, отличными от интересов господствующего класса, но в то же время различающихся друг от друга своим социальным положением и мировоззрением. Поэтому «народность» произведений фольклора — категория историческая, выражение существенных, прогрессивных интересов народных масс в определенной эпохе, часто в исторически ограниченной и противоречивой форме.

Признав коллективность народного творчества основным его признаком, В. Е. Гусев подчеркнул, что и данная категория — историческая, претерпевшая на протяжении многовекового развития фольклора изменения в своем социальном, этническом и эстетическом содержании. При этом сущность самого процесса коллективного творчества — в диалектическом единстве массового и индивидуального творчества. Говоря о специфике фольклора как вида искусства, докладчик особо отметил его «синтетичность» — нерасчлененное единство словесных, ритмических, мимических и других средств в различных их сочетаниях и соотношениях в разных жанрах, вследствие чего одностороннее изучение фольклора словесниками, музыковедами, хореографами и т. п. принципиально противоречит его природе.

В качестве совершенно не разработанных теоретических проблем В. Е. Гусев выделил проблемы художественного метода и жанра. Поскольку художественный метод есть способ образного мышления, в фольклоре нет одного извечного, раз навсегда данного метода, а каждой эпохе свойственны свои художественные методы. При этом нельзя отождествлять метод как способ образного познания действительности со стилем, который является лишь способом изображения действительности. Под жанром следует разуметь группу произведений, объединяемых сходным характером идейной проблематики и назначением в общественной жизни народа, а также сходством при-

¹ «Всесоюзное совещание фольклористов (1958). Проблемы современной фольклористики». (Авторефераты докладов), Л., 1958.

ципов и средств типизации, композиции, стиля. Очень часто не разграничивают понятия жанра и вида. Но вид — это внутрижанровая группа произведений, сходных по идейно-художественным признакам, не поддающаяся дальнейшемудроблению. Жанр также категория историческая. Но история фольклора не сводится к истории отдельных жанров; она является историей художественного познания действительности народными массами, т. е. историей художественных методов.

Доклад Б. Н. Путилова был посвящен проблемам изучения истории русского фольклора. В свете перспектив развития нашего общества, сказал Б. Н. Путилов, особенно важно создание научной истории народного творчества, обобщающей закономерности его развития и освещающей его современное состояние. Ввиду невозможности подробно осветить в докладе весь комплекс вопросов, связанных с проблемой истории фольклора, докладчик остановился подробно лишь на историческом изучении жанров и на проблеме современного народного творчества. Многие другие важные вопросы истории фольклора затронуты были в опубликованном автореферате, что давало возможность их обсуждения. Согласившись с положением В. Е. Гусева о том, что история фольклора не сводится к истории отдельных жанров или их совокупности, Б. Н. Путилов подчеркнул, что жанр есть та конкретно-историческая художественная форма, в которой реализуются различные методы и стили народного творчества. Жанр есть определенная система художественного отношения к действительности. Поэтому историческое изучение жанров может составить прочную основу построения истории фольклора: в смене жанровых систем и в их взаимодействии получает свое проявление историко-фольклорный процесс. Историю жанра следует изучать через историю отношений к этому жанру произведений, а также анализировать отдельные художественные образы, мотивы, типичные ситуации и т.п.

Особо актуальна проблема генезиса жанров, которой много занималась дореволюционная наука, но которую она, не будучи вооружена марксистской методологией, не могла решить. Проблему генезиса нельзя подменять установлением хронологических границ. Основное — исследовать процесс рождения жанра, его художественные истоки и жизненные основы.

Пути и формы исторического изучения жанров разнообразны, но особенно много для построения общей истории фольклора может дать изучение состояния и развития жанров и жанровых видов в пределах определенного исторического периода.

Докладчик коснулся также вопроса о реконструкциях ранних форм жанра на основе как древнерусского литературного материала, так и более поздних записей. Опыт таких реконструкций следует, по словам Б. Н. Путилова, продолжить и распространить на жанры, к которым они еще не применялись. В изучении жанров на поздних этапах их развития важно установить, что в изучаемом явлении принадлежит современности, а что — традиции. В этом отношении научно объективное изучение тормозилось утвердившимся положением, что фольклор — не только отзвук прошлого, но и громкий голос настоящего (известный тезис Ю. М. Соколова). Такой взгляд привел к тому, что каждое произведение рассматривалось прежде всего как своеобразная форма идейно-художественного осмысления действительности того времени, когда это произведение было записано. Этому положению докладчик противопоставил представление о фольклоре как наследии прошлого, но наследии, сложными нитями связанном с изменяющейся жизнью. Тщательный анализ должен показать, что в этом слове традиции и нового является определяющим началом и что только элементами.

Перейдя к вопросу об изучении современного народного творчества, Б. Н. Путилов отметил, что дискуссия 1953—1954 гг., завершив собою большой период в изучении современного фольклора, не открыла нового периода, и в общетеоретических представлениях по данной проблеме фольклористы остались в основном на исходных позициях. Ввиду того, что главный недостаток в изучении современного фольклора — это малое количество фактического материала, живых наблюдений, следует всячески активизировать собирательскую работу, решительным образом изменить ее методику. Экспедиции обычного типа не могут выявить всех форм жизни фольклора в среде колхозного крестьянства; нужно искать формы стационарного изучения и наблюдения. При изучении современного фольклора нельзя из народно-поэтической культуры отбирать только то, что относится к новому; надо изучать современное состояние народного творчества в целом — в сложном переплетении отживающей старины, живых традиций и нарождающегося нового.

Доклад «Сравнительно-историческое изучение фольклора разных народов» был прочитан В. М. Жирмунским. Сравнение, т. е. установление сходства и различий между явлениями и историческое их объяснение, сказал В. М. Жирмунский, представляет обязательный элемент исторического исследования. Это методический прием, который может применяться с разными целями и в рамках разных методов. Сравнение не снимает специфики изучаемого явления (индивидуальной, национальной, социально-исторической), а, наоборот, позволяет установить ее с большей точностью. Сравнение, применяемое в марксистском исследовании, ничего общего не имеет с буржуазной компаративистикой.

В соответствии с различными аспектами исследования сравнение может устанавливать: 1) родство между явлениями по их происхождению и последующие исторические-обусловленные различия (историко-генетическое сравнение); 2) возникновение сходства на основе сходных условий общественного развития (историко-типологическое

сравнение) и 3) международные культурные взаимодействия, обусловленные исторической близостью данных народов. Ведущая роль в сравнительно-историческом изучении должна принадлежать историко-типологическому сравнению, предполагающему значительные аналогии в идеологических надстроечных явлениях на одинаковых ступенях общественного развития. При этом наличие типологического сходства не снимает вопроса о международных взаимодействиях, так как сходство общественной ситуации является предпосылкой подобных взаимодействий. Но их нельзя преувеличивать, как это было в работах «компаративистов» старой школы. Методика историко-генетического сравнения находит применение в фольклористике при изучении вариантов одного и того же произведения, позволяя в известных пределах восстанавливать взаимоотношения между вариантами и древнейшие черты данного произведения. На основе ряда конкретных примеров докладчик показал возможность применения сравнительно-исторической методики указанных типов и те плодотворные результаты, к которым она может привести.

В заключение В. М. Жирмунский подчеркнул большое значение сравнительно-исторического изучения, которое дает возможность установить общие закономерности и аналогии исторического и культурного развития народов, помогая вместе с тем раскрытию национальной специфики народного творчества каждого из них.

После докладов слово было предоставлено заместителю директора Института мировой литературы имени А. М. Горького (ИМЛИ) А. А. Петросян для краткого сообщения об итогах трехдневного всесоюзного совещания в Москве в ИМЛИ по проблемам собрания и публикации эпоса народов СССР, проведенного 20—22 ноября 1958 г.

Затем развернулись прения по докладам. Выступавшие говорили о своевременности постановки вопросов теории и истории фольклора, приветствовали вызов к конкретному, историческому, научно-объективному изучению фольклора, его художественных методов, специфики, путей исторического развития.

Как показали выступления, советских фольклористов особенно волнуют вопросы современного состояния народного творчества — о развитии советского фольклора, судьбах традиционного фольклора, о новых явлениях в нем. Некоторые из выступавших — В. М. Сидельников (Москва), В. Ф. Шурыгин (Смоленск), Ф. И. Лавров и П. Д. Павлий (Киев), К. В. Чистов (Петрозаводск), Ю. А. Самарин (Кировград), В. К. Соколова (Москва) и др. отмечали как недостаток организации совещания, что проблема современного фольклора не была достаточно выдвинута в докладах и что не был поставлен специальный доклад по данной проблеме.

Говоря о советском фольклоре, многие указывали, что нельзя к нему подходить меркой, привычной для изучения традиционного фольклора, а необходимо расширить область наблюдений над явлениями современной поэтической культуры.

Советское творчество, сказал В. М. Сидельников, развивается и будет развиваться параллельно с художественной литературой, имея свои специфические особенности. Следует изучать поэтическое и музыкальное творчество русских сказителей, украинских кобзарей, казахских акынов, азербайджанских ашугов и т. п., не являющееся фольклором в старом понимании, но основанное на традициях устной народной поэзии. Эти произведения особенно важное значение имеют в развитии социалистической национальной культуры братских народов.

Наша советская жизнь такова, сказал К. В. Чистов, что нельзя в химически чистом виде выделить только устное, только коллективное, только индивидуальное. Все переплетено друг с другом, надо изучать это сплетение. Недостатком методики собрания и изучения современного фольклора является то, что ищут тексты, не связывая их со всей литературно-художественной культурой советского села, поселка, и т. д.

Те же мысли проводил в своем выступлении Г. Д. Гачев (Москва). Поскольку современная эпоха характеризуется взаимными переходами фольклора в литературу и обратно, следует фиксировать и изучать все смешанные, «гибридные» формы — они являются неоценимым материалом для изучения специфики литературного и фольклорного сознания. О новых и более сложных формах взаимодействия литературы и фольклора в настоящее время говорил также П. С. Выходцев (Ленинград), иллюстрируя это положение на конкретном примере «Василия Теркина». С одной стороны, поэм А. Твардовского как бы выросла из фольклора, с другой — она вызвала ряд художественных откликов, лирических, эпических, сатирических, которые являются в той или иной форме вариациями «Василия Теркина». Это — авторские произведения, тем не менее относящиеся к фольклору.

Выступавшие по вопросу о современном фольклоре указывали на сужение за последние годы работы по изучению советского фольклора и отмечали необходимость развернуть ее самым широким фронтом — Р. М. Сельванюк (Кострома), К. В. Чистов (Петрозаводск) и др.

Вопрос о советском фольклоре и задача изучения современного состояния народного поэтической культуры закономерно связывались в выступлениях с вопросом о роли и значении фольклорного наследия, с общим вопросом о фольклоре и современности.

Признав правильным положение Б. Н. Путилова о том, что народное творчество любой из предшествующих эпох по отношению к любой из последующих является художественным наследием прошлого, которое в качестве именно прошлого и живет в сознании народа, Р. Р. Гельгардт (Молотов) отметил, что сам по себе факт сохра-

нения фольклорного наследия свидетельствует об определенных чертах общественного сознания людей. Поэтическая культура прошлого не служит музейным экспонатом, а продолжает сохранять идейно-воспитательное значение. В этом смысле тезис о фольклоре как о «голосе настоящего», может быть, не теряет своего значения даже в применении к героическому эпосу, исчезающему из устного бытования. Речь идет о возможности идейного созвучия фольклорного наследия нашей современности.

Ту же мысль развил в своем выступлении Б. П. Кирдан (Москва). Традиционные произведения, сказал он, живут не только как наследие, но и говорят живым голосом, поднимая на борьбу за свободу и счастье народа, как это было, например, в годы Великой Отечественной войны. По мнению Б. П. Кирдана, одной из важнейших сторон деятельности советских фольклористов должно быть всестороннее изучение общего фольклорного репертуара, бытующего в народе, включая и произведения литературные, ставшие достоянием народа. Вообще следует интенсивнее изучать те процессы, которые происходят в современном фольклоре.

Об этом же говорил и Х. Т. Зарифов (Ташкент). Систематические наблюдения над процессами, происходящими в фольклоре в настоящее время, сказал он, много дадут для решения больших теоретических вопросов. Во многих национальных республиках фольклор и сейчас — «громкий голос настоящего». Х. Т. Зарифов привел чрезвычайно интересные факты в области взаимодействия литературы и фольклора — различные проявления широкого устного бытования у узбеков стихов поэта Физули.

В. К. Архангельская (Саратов) и некоторые другие из выступавших в прениях говорили о том, что часть жанров таит в себе возможности связи с жизнью в новых условиях и что не следует ограничивать понятие современного фольклора только произведениями с советской тематикой.

Большое внимание участники совещания уделили проблеме специфики фольклора и, в частности, соотношения в нем начал коллективного и индивидуального. Положение В. Е. Гусева о коллективности как ведущем признаке фольклора и об устности как вторичном признаке вызвало у некоторых возражения. Устность в фольклоре, говорил Н. И. Кравцов (Тамбов), надо понимать не как форму бытования, а как использование выразительных средств устного слова для создания образа и образного отражения действительности. Поэтому устное слово — важнейший признак фольклора как вида искусства. Основные художественные средства фольклора и такие особенности, как традиционность, вариантность, идут от устности. В таком же плане высказывался и В. Ф. Шурыгин (Смоленск). Устность в качестве одного из главнейших критериев фольклорности отмечали Ф. В. Тумилевич (Ростов-на-Дону) и Б. Ф. Егоров (Тарту); последний рассматривал устность в комплексе с коллективностью бытования, с распространенностью в народных массах.

Положение о коллективности как основном признаке фольклора поставили под сомнение с других позиций, чем Н. И. Кравцов, А. В. Позднеев (Москва) и Т. С. Вызго (Ташкент). А. В. Позднеев указал, что проявления коллективности наблюдаются и в древнерусской литературе, и в литературе XVIII в. (рукописные песенники). Т. С. Вызго, исходя из наблюдений над развитием народного музыкального творчества в Узбекистане, отметила, что новые песни, получающие хождение в народе, создаются там народными музыкантами, не имеющими специального музыкального образования и не занимающимися сочинением музыки как основной профессией.

Большая часть выступавших, однако, поддержала тезис В. Е. Гусева. Были сделаны попытки дальнейшего раскрытия понятия коллективности. Говорить о фольклоре как об едином виде искусства нельзя, сказала Е. Б. Вирсаладзе (Тбилиси). Эта — особая, и именно коллективная, форма, сопутствующая различным видам искусства — поэтическому, музыкальному, хореографическому и др. Устность не может считаться основным признаком, так как не свойственна всем видам фольклора. Ведущий признак — коллективность, выражающаяся не только в сотрудничестве класса, но и в сотрудничестве поколений.

О разных проявлениях коллективности — и в процессе создания произведений, и в процессе бытования, когда многие поколения вносят свой вклад, говорил также А. П. Моцкус (Вильнюс), основывавшийся на материале литовского фольклора. Часть выступавших указывала на необходимость уточнить понятие коллективности в фольклоре. В. П. Аникин обратил внимание на то, что коллективные формы, характерные для фольклора в прошлом, хотя и не исчезают в современности, но уступают место индивидуальному творчеству (формы самодетельного искусства), и к нему необходимо применять новые критерии. П. Г. Богатырев подчеркнул важность собирания у всех народов СССР конкретного материала, который раскрывал бы проявления коллективности, устности, синтетичности, особенностей бытования и т. п. Р. Р. Гельгард указал, что следует уточнить отличия между соответствующими фактами в области литературы и фольклора. И литература знает диалектическое единство массового и индивидуального творчества, например создание литературных произведений, разрабатываемых на основе фольклора. Также следует установить эстетические различия между традиционностью в народно-поэтическом творчестве и в письменной литературе.

Живой отклик вызвал у членов совещания тезис о синтетической природе фольклора. Ф. А. Рубцов (Ленинград) приветствовал то, что в докладах признано противостественным одностороннее изучение фольклора — в отрыве слова от музыки. Многие вопросы теории и истории фольклора (специфика жанра, классификация, генезис и др.)

никак не могут быть решены без всестороннего рассмотрения явлений народного искусства. Такие случаи, как бытование поэтического текста с напевами разного типа или, наоборот, одного напева с поэтическими текстами различного содержания и назначения, могут помочь правильному освещению поднимаемых вопросов. Ввиду существующего еще разрыва между изучением слова и музыки в фольклоре целесообразно собрать чисто деловое совещание для обсуждения вопросов согласованного изучения фольклора.

Н. И. Гаген-Торн (Ленинград) отметила, что специфика фольклора как особой формы искусства заключается в том, что исполнитель воздействует не одним только словом, а целым комплексом средств. О том же говорил и В. Н. Всеволодский (Москва), выразивший сожаление, что народное сценическое и хореографическое искусство было затронуто В. Е. Гусевым лишь мимоходом.

Выступавшие указывали также на необходимость тесного сотрудничества фольклористов и этнографов в разработке теории и истории фольклора (И. С. Гурвич и В. Ю. Крулянская; Москва).

Обсуждению подвергался и вопрос о художественном методе фольклора. В. К. Архангельская признала очень важным и правильным положение В. Е. Гусева о многообразии и изменчивости методов художественной изобразительности. Однако схему развития и смены в фольклоре различных художественных методов, предложенная В. Е. Гусевым, по мнению В. К. Архангельской, выглядит искусственной; за ней не видны определенных художественных явлений.

В. П. Аникин тоже отметил необходимость уточнения выдвинутых в докладе В. Е. Гусева положений о методе. Реализм как метод, сказал Б. П. Кирдан, нельзя смешивать с реалистическими тенденциями и элементами, которые в фольклоре, несомненно, присутствуют, отражаясь даже в волшебных сказках. Н. Ф. Бабушкин (Томск) настаивал на том, что проблему реализма в фольклоре следует решать в том плане, в каком ставил ее еще Горький, а в дальнейшем — Фадеев в отношении Пушкина, Гоголя и Тургенева — как проблему синтеза реализма и романтизма. В противоположность ему В. М. Сидельников утверждал, что история фольклора есть история борьбы реалистических тенденций с антиреалистическими. Утверждение это вызвало, однако, справедливые возражения.

Большое внимание участников совещания привлекли также вопросы изучения истории фольклора, поставленные в докладе Б. Н. Путилова.

В выступлениях В. К. Архангельской, В. К. Соколовой, Н. М. Элиаш (Старый Оскол) и др. поддерживался тезис докладчика о том, что без истории жанров, а в пределах жанра — циклов, сюжетов, отдельных вариантов, нельзя создать истории русского фольклора. Обсуждался вопрос о том, как исторически изучать жанр. К. В. Чистов признал законными и возможными как путь исторической реконструкции ранних видов жанра, так и выявление в произведениях данного жанра отражений более позднего времени; задача состоит в сочетании обеих линий исследования. При определении более поздних элементов в фольклоре многое делалось примитивно, были пропущены отдельные детали, тогда как важен идейно-художественный смысл образов. Новое в фольклоре следует соотносить с мировоззрением, с эстетическими взглядами. Следовательно, историческое изучение фольклора не может обойтись без углубленного изучения истории общественных идей. Изучение истории жанров, сказала В. К. Соколова, следует сочетать с изучением общей истории фольклора, в которую должно войти историческое изучение поэтики, важное для истории народного мировоззрения. Большое значение при историческом изучении фольклора имеет критика фольклорных текстов, анализ основы произведения и позднейших привнесений. Но методика критики текстов еще не выработана.

В. Я. Пропп (Ленинград) обратил внимание на то, что история народа и история фольклора могут не совпадать, а это не учитывалось в должной мере при опытах построения истории фольклора. В области изучения жанров нужны монографические исследования. По мнению Г. А. Гачева, основная задача исторического изучения фольклора сводится к тому, чтобы установить и реконструировать последовательность типологически разных стадий внутри фольклора. Е. А. Александрова (Даугавпилс) и Л. С. Шептаев (Ленинград) на примере изучения исторической песни коснулись вопросов методики исследования конкретных материалов. Е. А. Александрова предложила использовать анализ типических мест для выявления исторической основы, так как именно типические места сохранили и донесли до наших дней черты жизни давно миновавшего времени. Л. С. Шептаев поделился своим опытом изучения песен Разинского цикла, в котором можно наметить исторически развивающиеся типы художественного общения.

В связи с докладами В. Е. Гусева и Б. Н. Путилова выступающими были затронуты и некоторые другие вопросы. Б. Ф. Егоров согласился с данным В. Е. Гусевым определением народности как исторической категории. Неравномерно, сказал он, за рамками изучения выносятся явления фольклора, не отвечающие пониманию народности в наше время. С. Г. Лазутин (Воронеж) говорил о необходимости глубокого и всестороннего изучения языка народной поэзии, которое поможет в решении многих теоретических и исторических проблем — генезиса, художественного метода, национальной специфики, проблемы традиции и новаторства. Ряд положений докладчиков вызвал возражения, поправки, дополнения. Ф. И. Лавров (Киев) оспаривал тезис В. Е. Гусева

о том, что при быстрой смене одной эстетической системы другой возможен кризис художественности; в подтверждение он приводил народное творчество эпохи гражданской войны. В. Н. Кнейчер (Харьков) возражал против положения Путилова о бессознательном в фольклоре. А. П. Моцкус отметил, что вопрос о влиянии литературы на создание новых произведений не нашел должного отражения в докладах.

Доклад В. М. Жирмунского также вызвал оживленные прения. С критикой положений докладчика выступили В. М. Гоцак и К. С. Давлетов (Москва). Выделение сравнения в особое направление, по мнению В. М. Гоцака, объективно открывает возможность для проникновения в науку чуждых нам методологических положений. Так, в докладе предметом типологических сравнений являются искусственно выделяемые сюжеты, мотивы, темы; таким образом, идейное содержание не учитывается, и в основу кладется принцип формальных совпадений. Объективно-идеалистический смысл сравнительной методологии подчеркивал и К. С. Давлетов, говоря, что она ведет к отрыву искусства от конкретной исторической почвы. Например, путь сравнительной типологии неизбежно приводит к отождествлению мифа и эпоса, так как с формальной стороны в них много сходного, а между тем это две разные формы сознания.

Выступления В. М. Гоцака и К. С. Давлетова не встретили поддержки. Е. М. Мелетинский (Москва) указал, что сравнительно-историческое изучение в постановке В. М. Жирмунского как раз не «метод», а лишь научная методика, которая не предполагает заранее никаких выводов. Она принципиально отличается от сравнительной методологии на Западе, которая действительно проводит формальные сравнения и является методологией ползучего эмпиризма. Е. Б. Вирсаладзе (Тбилиси) отметила, что сравнительно-историческому методу зарубежных ученых надо противопоставить сравнительно-историческое изучение с марксистских позиций. В. Я. Евсеев (Петрозаводск) сказал, что надо приветствовать такое сравнительное изучение, подчиненное марксистско-ленинской методологии, о котором говорил В. М. Жирмунский. Но необходимо при его применении полное владение материалом. Р. Р. Гельгардт заявил, что нужно полностью принять все те аспекты сравнительно-исторического исследования, которые намечены в докладе В. М. Жирмунского. Сопоставив фольклор русских и чехословацких горняков, Р. Р. Гельгардт показал плодотворность такого исследования.

Интересные факты из грузинской словесности, относящиеся как к типологическим, так и генетическим схождениям, аналогичные приведенным в докладе, сообщила К. А. Сихарулидзе (Тбилиси). Т. С. Вызго отметила правильность положения В. М. Жирмунского о том, что каждая творческая версия произведения народно-поэтического творчества принадлежит создавшему ее народу независимо от более отдаленного происхождения ее основы. Так, известная по обработкам Глинки и Штрауса персидская мелодия распространена в самых различных версиях во многих странах Востока (Узбекистан, Туркменистан, Иран) и всюду приобрела национальную специфику. Х. Т. Зарифов напомнил, что только путем сравнительного изучения можно объяснить источники ряда явлений.

В обсуждении поставленных в докладах вопросов приняли также участие М. Г. Китайник (Москва), Л. Л. Христиансен (Свердловск), А. В. Руднева (Москва), В. М. Потявин (Горький), Эрнитс (Тарту), Е. В. Баранникова (Улан-Удэ) и др.

Участниками совещания был выдвинут ряд конкретных мероприятий, осуществление которых могло бы содействовать дальнейшему развитию и углублению фольклорной работы: создание оперативного печатного органа по фольклору, выявление архивных фондов, составление методической записки по собиранию и публикации фольклорных материалов. Было решено ходатайствовать перед Президиумом АН СССР об оборудовании институтов, занимающихся фольклором, необходимой материально-технической базой. Вновь была отмечена потребность в организации единого центра по изучению фольклора СССР — Института народного творчества.

Совещание единодушно приняло предложение заведующего сектором фольклора Института искусствознания, фольклора и этнографии Академии наук УССР — посвятить следующее всесоюзное совещание по фольклору специально вопросам современного народного творчества, организовав его в Киеве силами трех институтов: ИРЛИ, ИМЛИ и Института искусствознания, фольклора и этнографии АН УССР.

После ответных слов докладчиков с заключительным словом выступила А. М. Астахова (Ленинград). Отметив наиболее интересные и важные высказывания по поднятым вопросам, А. М. Астахова указала на общее значение проведенного совещания. Ни на одной конференции, сказала она, не могут быть разрешены все поднятые вопросы. Но само обсуждение, критика, споры, высказанные размышления всегда являются хорошей зарядкой для дальнейшей работы. На совещании был дан большой и ценный материал для раздумья, и это самое важное. Общение на почве совместной работы — необходимое условие плодотворного развития науки.

Закрывая совещание, В. Г. Базанов выразил благодарность его участникам и пожелание, чтобы высказывания и споры превратились в хорошие научные труды.

На другой день после конференции, 27 ноября, состоялось расширенное заседание Координационной комиссии Отделения литературы и языка АН СССР. На заседании был обсужден составленный в комиссии проект методической записки по развертыванию фольклорной работы. В обсуждении приняли участие многие из участников конференции, внесшие существенные поправки и дополнения.

А. Астахова